

Родеса спаяло все детали. Анна и Оттавио сначала спели свой жалкий финальчик, а потом Дон Жуан возглавил настоящий, адский финал, по силе сопоставимый... со вступлением к «Меланхолии» Ларса фон Триера: имеется в виду кадр, где под тремя планетами стоят две героини-планеты и ребенок-луна.

* * *

Оркестр. Случайная удача — сидеть в крайне правом крыле второго ряда именно в этой постановке. Сидеть именно напротив низких инструментов. Напротив контрбасов, меди... Уже с первого аккорда и бьющих ударов литавр в уши врезалась вся будущая концепция испол-

нения. Ведь низкие инструменты на то и «низкие», чтобы усиливать сопереживание «низменной» натуре Дон Жуана и, особенно, натуре Дон Жуана новозеландского, родесовского образца. Я, конечно, утрирую, но дионисийское начало связано, прежде всего, с ритмом, ударными, басами и тяжелыми тембрами меди. Именно такая палитра средств позволяет задействовать самые древние, глубокие, коренные и, соответственно, низкие области психики. Чем пользовались разные культуры, от шаманства до рока и до, прости господи, современной поп-продукции.

Оркестр давал тонкую романтическую нюансировку, что логично в контексте концепции. Однако специфически моцартовскими были очень хорошо прослушанные *solì* деревянных. Спасибо Татарникову.

Elena MATSOKINA The world seen by a composer

Елена МАЦОКИНА Мир глазами композитора

Знакомясь с творчеством современных композиторов, мы нередко сталкиваемся с вопросами, ответы на которые хотели бы получить лично от мастера. Для слушателей важно мнение композитора по поводу многих (не только музыкальных) проблем, которые ставит перед нами окружающая жизнь. И, конечно, особой ценностью обладает непосредственное живое общение с выдающимся современником, раскрывающее все новые и новые грани его творчества и личности.

В Санкт-Петербургской консерватории по инициативе и.о. заведующего кафедрой специальной композиции и импровизации А.В. Танонова и старшего преподавателя этой же кафедры С.В. Нестеровой наметился план цикла творческих встреч с ведущими композиторами Петербурга; в дальнейшем, возможно, в таких встречах примут участие и гости из-за рубежа. Открыть цикл диалогов и бесед любезно согласился Народный артист России, профессор Петербургской консерватории Сергей Михайлович Слонимский. Встреча под названием «**Сергей Слонимский. Мир глазами композитора**»

A response on a conversation meeting with Sergey Slonimsky, the composer's works and his commentaries.

Key words: Sergey Slonimsky, Symphony No. 32, Four stasimons from Sophocles' tragedy *Oedipus at the Colonus*, Requiem.

Отклик на творческую встречу с С. М. Слонимским, в ходе которой прозвучали произведения композитора и комментарии к ним (Камерный зал Санкт-Петербургской консерватории, 28 марта 2013 года).

Ключевые слова: С. М. Слонимский, Симфония № 32, Четыре стасима из трагедии Софокла «Эдип в Колоне», Реквием.

состоялась 28 марта 2013 года в Камерном зале консерватории; здесь собрались студенты композиторского и музыковедческого факультетов, преподаватели консерватории и те, кто интересуется творчеством Слонимского. Напомню, что Сергей Михайлович окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классам композиции (в 1955 году) и фортепиано (в 1958-м), а также аспирантуру по специальности «теория музыки». В многогранной деятельности Сергея Михайловича сочетаются все три его специальности — композитора, музыковеда и пианиста. Слонимский щедро одаривает слушателей новыми музыкальными произведениями, участвует в концертах и творческих встречах как пианист, выпускает в свет статьи и книги в разных жанрах, очерки и воспоминания из жизни. Его творческая деятельность тесно переплетается с педагогической — нередко профессор Слонимский выступает на одной сцене с собственными учениками. Известными композиторами стали выпускники его класса Александр Радвилович, София Левковская, Антон Танонов, Настасья Хрущёва и другие.

Встречу с Сергеем Михайловичем подготовил и провел его выпускник, ныне и. о. заведующего кафедрой композиции Антон Валерьевич Танонов. Прослушивания произведений (в записях), отобранных для встречи, переплетались с рассказами самого Слонимского об этих сочинениях. Прозвучали Симфония № 32 (2011), Четыре стасима из трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (1983) и несколько фрагментов из Реквиема (2003).

Перед прослушиванием **Симфонии № 32** (в исполнении оркестра Михайловского театра под управлением Владимира Юровского) композитор рассказал об особенностях ее музыкального языка, а также о своей «слабости» к музыкальному языку времен Софокла и Еврипида — четвертитоновой мелодике. Единственный сохранившийся образец античной музыки с четвертитоновыми скачками — «Орест» Еврипида (который, как считается, сам писал музыку к своим трагедиям). По-видимому, отсюда Слонимский черпал вдохновение для центральной части своей трехчастной симфонии, где используются монодийно распетые четвертитоновые звукоряды. Первая же часть содержит интервальные вертикальные и горизонтальные структуры, а Финал — различного рода октавные и неоктавные лады (с неодинаковой альтерацией в разных октавах).

Отмечу, что излюбленные Сергеем Михайловичем античные сюжеты послужили основой многих его произведений; это, в частности, оперы «Антигона», «Царь Иксион», балет «Икар», Симфония № 13 (с подзаголовком «Четыре стасима античной трагедии»), «Монодия по прочтении Еврипида» для скрипки соло, симфония «Аполлон и Марсий» с солирующей флейтой и арфой, и др.

«Античную» линию творчества Слонимского представили и **Четыре стасима из трагедии Софокла «Эдип в Колоне»** для смешанного хора без сопровождения, которые мы прослушали позже в исполнении камерного хора *Lege Artis* (художественный руководитель и дирижер — Борис Абальян). Четыре стасима посвящены коллеге Сергея Михайловича, человеку, которому он многим обязан, — Люциану Пригожину. В греческой трагедии стасимы чередовались с эпизодами (действием) и представляли собой строгий комментарий хора, стоящего в центре сцены, к событиям, которые только что произошли в жизни героев.

Так, первый стасим повествует о самом Софокле. Прожив 90 лет, не интересуясь житейскими благами и не расточая имение на себя и близких попусту, Софокл оказался на скамье подсудимых: сыновья решили выгнать его из дома, отстранить от управления имуществом и присвоить имение себе, объявив отца умалишенным. Суд также склонялся к тому, чтобы обездолить старца. Вместо защиты Софокл читает судьям пролог своей последней законченной пьесы «Эдип в Колоне». Судьи признают глубокий ум и талант Софокла, обличают его сыновей. В связи с музыкальным языком стасима Слонимский сказал: «Античные лады, античная этика очень интересуют меня, так как античный лад связан с гармонией сфер... Однако здесь я использую диатонику».

Второй стасим — «Битва». Креонт похитил дочерей ослепшего старика Эдипа. Тесей направился ему вслед. Битвы и убийства на сцене тогда не показывались — вместо этого было «этическое» описание события хором. Музыкальный язык второго стасима сочетает диатонический и хроматический лады, но преобладает диатоника, так как победу одерживает Тесей.

В третьем стасиме использован текст Софокла, который, как пояснил композитор, вспоминают и Шопен, и Брамс (в «Четырех строгих напевах»): «Не родиться совсем — удел лучший! Если ж родился ты, в край, откуда явился, вновь возвратися скорее». Музыкальной основой здесь служит монодия: «античная музыка в сущности монодийная, так же монодийны и хоры» (Слонимский).

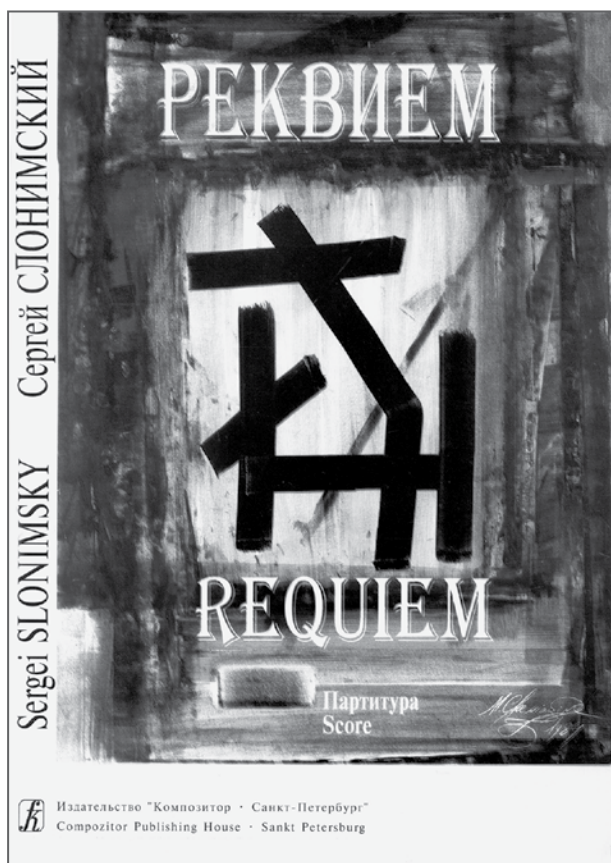
Четвертый стасим описывает смерть Эдипа. Не знал Эдип о том, что человек, которого он убил на распутье дорог, — его отец, а женщина, с которой он вступил в брак, — его мать. Музыка стасима напряжена и пронизана хроматическими интонациями.

Предваряя прослушивание фрагментов **Реквиема**, Сергей Михайлович отметил: «Реквием пишется один раз в жизни. Других у меня уже не будет». Премьера сочинения состоялась в 2004 году в исполнении солистов, хора и оркестра Певческой Капеллы под руководством народного артиста СССР Владислава Чернушенко. (В записи были представлены эти же исполнители.)

Композитор признался, что из всех Реквиемов, которые ему известны, ближе всего ему Реквием Шумана.

В своем Реквиеме Сергей Михайлович опирается на классическую модель жанра — с латинским каноническим текстом, обязательными частями и составом исполнителей (хор, квартет солистов, оркестр). Циклическую композицию Реквиема Слонимского образуют четырнадцать номеров, текст которых соответствует музыкальным частям заупокойной мессы, однако подвергается небольшим изменениям. Так, в секвенции *Dies irae* опущены строфы 13–17, а в *Benedictus* — строка «*Osanna in excelsis*». Открывается Реквием не традиционной молитвой о даровании вечного покоя (*Requiem aeternam*), а плачем, музыкой слез и скорби (*Lacrimosa*). Ведь, по словам С. М. Слонимского, основная смысловая доминанта всего Реквиема — эмоция жалости, «плача по невинно убиенным, которых было так много в XX веке». *Lacrimosa* обрамляет Реквием и становится идейным центром цикла. В Реквиеме Слонимского присутствуют также арии для всех четырех солистов. Обращает на себя внимание стилистическая широта произведения: русские традиции (песенность, колокольность) переплелись здесь и с принципами хоровой полифонии европейского средневековья, и с элементами современного музыкального языка.

Завершая краткий экскурс в свое творчество, Сергей Михайлович ответил на волнующие слушателей вопросы — в частности, о перспективах жанра симфонии. «Никогда не думал о том, чтобы писать симфонии, — поделился выдающийся симфонист современности, — музыку к фильмам писать проще: слава, деньги...

Но музыкальная мысль приходит в форме монотонной индивидуальной фразы и требует развития, не отпускает, пока не посвятишь ей неделю-две-три не отрываясь... А среда может быть у каждого своя — я не мог бы сочинять без бытовых ежедневных забот. Симфония же будет жить столько, сколько будет жить несправедливость в мире, симфония будет существовать, пока есть беспривильные сильные люди и великая посредственность».

Так что мы вправе ждать от композитора следующую, тридцать третью симфонию. К тому же для Сергея Михайловича это число, как он рассказал слушателям, любимо и весьма символично — именно столько песен в каждой из трех частей «Божественной комедии» Данте.

Отвечая на вопрос о будущем молодых композиторов, Сергей Михайлович подчеркнул, что не разделяет мнение о том, что хороших молодых композиторов сейчас нет. Из личных выводов и наблюдений он отметил, что люди «чем талантливее, тем скромнее, и наоборот, чем посредственнее — тем крикливее, нахальнее». Слонимский обратил внимание на то, как важны композитору уже в студенческие годы прочные творческие и дружеские контакты с исполнителями, дирижерами,

вокалистами для расширения возможностей исполнения своих сочинений и для творческого общения. Упомянул Слонимский и друзей своей юности — впоследствии знаменитых, а тогда обычных молодых людей Сергея Довлатова и Иосифа Бродского, — призывая нынешних студентов-композиторов дружить с «обычными» музыкантами-исполнителями и другими творческими людьми. «Хотелось бы, чтобы талантливые люди не уезжали за рубеж — не всегда это надо», — поделился своим мнением композитор.

В беседе были затронуты также интереснейшие личные воспоминания С. М. Слонимского о встрече с И. Ф. Стравинским во время его приезда в 1962 году в Ленинград. В основном остались в памяти не очень лестные высказывания мэтра о музыке молодых советских композиторов.

Бурными овациями завершилась встреча с Сергеем Михайловичем Слонимским. Слушатели, напутствуемые ценными авторскими комментариями, не только ближе познакомились с творчеством композитора, но и испытали на себе мощное воздействие личности нашего выдающегося современника.